

С.И. Кормилов

«И счастье я могу постигнуть на земле...»

<...>

Одно из последних лермонтовских стихотворений. Сначала дан ночной пейзаж, «кремнистый путь» конкретизирует его как горный, кавказский. Но лирический герой «один» в «пустыне». Это и реальный штрих (ночью на дороге прохожих нет), и символ: герой один на один со всем мирозданием, реальная дорога (путь) становится жизненным путем. Мироздание спокойно, величественно и прекрасно: «В небесах торжественно и чудно! / Спит земля в сиянье голубом...» «Сиянье голубое» — свет от луны, это объясняет, почему путь «блестит». Но сиянье тоже символизировано. На его фоне душевное состояние героя мрачно, хотя он сам не отдает себе точного отчета, почему: «Что же мне так больно и так трудно? / Жду ль чего? Жалею ли о чем?» Нет, он отрешился и от прошлого, и от будущего. Однако это вовсе не равнодушие к жизни. Герой ищет — ищет «свободы и покоя». Таких, как в окружающем его мире. Даже «пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит». В мироздании нет одиночества. Так в поэзию Лермонтова «возвращаются “звезды” его юности, почти исчезнувшие из зрелой лирики», а «безотрадный край изгнания, символ опустошенной жизни здесь и в “Пророке” становится также местом уединенного свидания с вселенной» (Лермонтовская энциклопедия). Поначалу гармония природы контрастирует с угнетенным состоянием героя. «Но при этом происходит нечто необычное: резкий контраст... не усиливается, а смягчается, и от безнадежного начала третьей строфы совершается переход к мечте о воплощении свободы и покоя — вечном живом сне (и здесь вспоминается чудный сон земли в сиянии голубом), о сладком голосе, поющем о любви» (В. Холшевников). Поэт мечтает стать спокойным и вечным, как природа, не потеряв своего «я» (чего он так боялся в юности при мысли о смерти), сохранив даже свое тело с дышащей грудью. Это мечта, фантастика, но фантастическим кажется и мир вокруг, а слияние с ним словно происходит реально, столь велик духовный подъем поэта.

Герои, и преимущественно героини многих, самых разных произведений Лермонтова, даже Демон, часто поют. В этом сказывается и музыкальная натура поэта, и особое осмысление им значения звуков. Неземные звуки в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» обретают облик «сладкого голоса», поющего про любовь вечно, всегда — «весь день, всю ночь». Вечнозеленым в этой мечте становится склоняющийся, шумящий (у него свои звуки) над поэтом дуб. Лермонтов пишет не «над могилой», а «над мной». Вечный покой обретает смысл вечной жизни. «Бог» формально остается в первой строфе, но Божий мир в этой пантеистической картине виден поэту как реальность. Природой стихотворение началось, природой и заканчивается. Но природа теперь очеловечена, а человек, отрешившийся от суеты, природен. Гармония, несомненно, побеждает дисгармонию.

Гармоничен и стих произведения. В этом пятистопном хорее четче, чем в таком же размере «Утеса», выделены цезуры, небольшие паузы, разделяющие стихи на две части. Они не тормозят лирическое высказывание, наоборот, облегчают «дыхание» звучащего текста. «Выхожу один я на дорогу...» — одно из самых мелодичных стихотворений в русской поэзии. Пятистопный хорей широко распространился в ней благодаря лермонтовскому произведению, под его непосредственным влиянием.

Итак, гармонизация мира хоть в мечте да произошла, демонизм в основном преодолен, богоборчество отвергнуто (не люди, так бог и звезды — с героями «Выхожу один я на дорогу...» и «Пророка»). Мятежный Лермонтов смирился? «Но мы не найдем ни од-

ного указания, чтобы он когда-нибудь тяготился взаправду своею гордостью и обращался к смирению», – скептически констатировал Вл. Соловьев.

<...>